

Письмо без адреса

Иногда письмо
находит адрес не сразу.
Сначала оно просто
учит сердце ждать.

ВЯЧЕСЛАВ
КОСОНОВ

Вячеслав Косоногов

Письмо без адреса

<https://litres.ru/74329347>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старой книжной лавке Анна прячет между страницами книги без обложки записку, которую не решилась бы кому-нибудь отправить. Через несколько дней она находит ответ.

Анна не знает имени человека, который ей пишет, а он не спрашивает её адреса. Между ними — только бумажные полоски, дождливые вечера и слова, которые легче оставить в книге, чем произнести вслух. Постепенно эта переписка становится для Анны местом, где ей не стыдно молчать и не страшно быть услышанной.

Но чем ближе становится незнакомец между страницами, тем труднее не задумываться: что произойдёт, когда письмам всё-таки придётся найти настоящий адрес?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. На свету	25
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вячеслав Косоногов

Письмо без адреса

Пролог

Иногда письмо находит адрес не сразу. Сначала оно просто учит сердце ждать.

В книжную лавку Анна заходила по вечерам.

Не каждый день.

Только тогда, когда тишина внутри становилась слишком большой и возвращаться с ней домой одной было трудно.

Лавка пряталась в переулке неподалёку от гавани. Даже весной воздух здесь оставался прохладным, пах мокрым камнем, солью и угольным дымом. Узкое окно у входа часто запотевало изнутри, будто книги за стеклом дышали своим медленным бумажным теплом.

Над дверью висел колокольчик.

Он звенел негромко, почти смущённо, словно извинялся за каждого вошедшего.

Хозяин лавки давно привык к Анне.

Мистер Бейкер был седым, немного сутулым, с мягкими руками человека, который много лет прикасался к бумаге, ткани переплётов и чужим вещам, оставленным на продажу. Он уже не спрашивал, что ей нужно. Только поднимал глаза

от счетов, кивал и позволял пройти дальше — туда, где стояли стихи, дневники и письма людей, давно умерших, но всё ещё не закончивших говорить.

Перед тем как открыть книгу, Анна снимала перчатки. Даже если в лавке было холодно.

Сначала правую.

Потом левую.

Складывала одну в другую, расправляла большой палец, проводила ладонью по шву.

Этот маленький порядок был ей необходим.

Он не успокаивал по-настоящему, но давал рукам занятие. Помогал скрыть спешку. Снаружи они выглядели спокойнее, чем она сама.

Анна приходила не совсем за чтением.

То есть читать она любила.

Иногда книги спасали её. Иногда просто давали место, где можно было спрятаться, не объясняя, от кого именно.

Но сюда она шла не за сюжетом.

В глубине лавки, у стены с поэзией, стоял узкий столик. На нём лежали карандаш, нож для бумаги, несколько картонных закладок и моток тонкой бечёвки.

Рядом всегда находилась старая книга без обложки.

На корешке не осталось названия. Переплёт вытерся до серого, страницы пожелтели, а в середине несколько листов отходили от нитей. Мистер Бейкер много раз переставлял книги вокруг, но эту почему-то не убирал.

Она лежала на одном и том же месте, будто не продавалась.

Будто ждала.

Именно в ней Анна однажды оставила первую записку.

Без подписи.

Без даты.

Без адреса.

Это случилось почти случайно.

Целый день в ней жила одна фраза.

Колкая.

Тихая.

Упрямая.

Такие слова трудно произнести вслух. Стоит услышать их собственным голосом — и они становятся слишком настоящими. Будто ты не просто подумал о боли, а признал за ней право существовать.

После работы Анна зашла в лавку, сняла перчатки и долго стояла перед старой книгой.

Потом взяла картонную закладку, перевернула её чистой стороной и написала:

Иногда мне кажется, что я опоздала к собственной весне.

Она перечитала строку.

Сразу захотелось зачеркнуть.

Слишком жалобно.

Слишком открыто.

Слишком похоже на просьбу, хотя просить она ни о чём не собиралась.

Анна сложила бумагу вдвое и спрятала между страницами.

Почти со стыдом.

Будто оставила там не записку, а часть себя, которую следовало унести обратно.

Несколько дней она не приходила.

Говорила себе, что забыла.

Что фраза ничего не значила.

Что никто её не найдёт, а если найдёт — решит, что это старая закладка, случайно оставленная прежним владельцем.

На четвёртый вечер Анна всё-таки свернула в знакомый переулок.

Шёл мелкий дождь. Он оседал на волосах и не стекал, а держался холодными точками. В лавке пахло пылью, старым клеем и чем-то едва сладким — вероятно, отсыревшей бумагой.

Мистер Бейкер переставлял книги на нижней полке.

Он не взглянул на неё.

Анна была благодарна ему за это.

Она прошла к столику.

Сняла перчатки.

Одну в другую.

Большой палец расправить.

Шов пригладить.

Только после этого открыла книгу.

Между страницами лежала записка.

Но не её.

Новая полоска бумаги была вырезана неровно. Один край оставался чуть шире другого. Почерк — спокойный, с лёгким наклоном вправо. В нём не было ни спешки, ни старания понравиться.

Только буква «в» каждый раз выходила неровной, словно рука ненадолго задерживалась на ней.

Весна редко приходит в тот день, когда её ждут. Но от этого она не становится чужой.

Анна перечитала строку.

Потом ещё раз.

За окном всё так же шёл дождь.

Мистер Бейкер передвигал книги.

Кто-то остановился у витрины, посмотрел на ценники и прошёл дальше.

Ничего особенного не произошло.

И всё же ей показалось, будто в комнате, где было зябко, кто-то тихо прикрыл окно от сквозняка.

Она унесла записку с собой.

Вечером положила её в ящик письменного стола, под конверты и квитанции. Утром переложила в книгу, которую читала в трамвае. Потом испугалась, что потеряет, и снова спрятала в ящик.

Через два дня написала ответ.

Не сразу в лавке.

Сначала составила его дома, на хорошей бумаге. Потом решила, что хорошая бумага выглядит слишком серьёзно, и переписала на обороте старого объявления.

Сегодня я весь день говорила как обычно, а чувство было такое, будто хожу по тонкому льду.

Записку она снова оставила в старой книге.

Ответ появился через два дня.

Тонкий лёд тоже держит, если идти медленно.

Анна улыбнулась.

Не широко.

Не так, чтобы это заметил мистер Бейкер.

Просто уголок рта чуть дрогнул, и внутри что-то стало мягче.

С того вечера она начала писать.

Не о самом страшном.

До самого страшного между ними ещё лежало слишком много пустых страниц.

Она писала о малом.

О том, что труднее всего объяснить людям, когда они спрашивают: «Что случилось?» — и ждут простого ответа.

Иногда я боюсь привязаться даже к хорошему, потому что хорошее умеет уходить тише всего.

Через несколько дней между страницами появилось:

Хорошее не всегда уходит. Иногда оно просто долго не ре-

шается остаться.

Анна написала:

В детстве мне казалось, что, если в доме горит лампа, никто не может быть совсем один.

Ответа не было почти неделю.

Она приходила в лавку трижды.

Каждый раз открывала книгу медленно, будто отсутствие записки можно было не заметить, если не торопиться.

На седьмой день между страницами лежала новая полоска.

Наверное, поэтому люди и зажигают свет не только для себя.

Анна не знала, кто ей пишет.

Иногда ей представлялась женщина старше неё. Спокойная, с усталыми руками, пережившая всё то, чего Анна ещё только боялась.

Иногда — мужчина.

Не громкий.

Не слишком уверенный в себе.

Человек, который бережёт слова не потому, что знает их мало, а потому, что слишком хорошо понимает их вес.

Но чаще всего это был просто кто-то.

Чьё присутствие не требовало лица.

Без лица легче открывать сердце.

Ты не видишь, как человек меняется, услышав правду о тебе. Не замечаешь короткого движения бровей, заминки пе-

ред ответом, слишком быстрого взгляда в сторону.

Не успеваешь принять чужое молчание за осуждение.

Бумага принимала признание спокойно.

Давала время.

Не заставляла защищаться от чужой реакции прежде, чем ты успел понять собственную.

Весна в тот год подступала медленно.

Дождь почти каждый вечер шёл со стороны гавани. Переулок темнел, стены домов становились чёрными от воды, в водосточных трубах глухо ворочался мусор.

Но у окна лавки появился деревянный ящик с ветками.

Мистер Бейкер принёс их откуда-то утром и поставил в воду. На ветвях виднелись маленькие тугие почки — такие скромные, будто и они не были уверены, что им позволено раскрыться.

По вечерам на стекло падал тёплый свет.

Тени ветвей дрожали на полу между полками.

Однажды Анна пришла в дождь и задержалась дольше обычного.

В лавке было настолько тихо, что слышно было, как вода редкими каплями падает с карниза. Мистер Бейкер ушёл в подсобку. Половицы под шагами почти не скрипели.

Анна открыла книгу.

В этот раз внутри лежал не ответ.

Только вопрос.

А что для вас значит дом?

Она замерла.

Потом оглянулась.

Будто человек, написавший это, мог стоять совсем рядом — у полки с письмами или возле окна, делать вид, что рассматривает корешки, и ждать, откроет ли она эту осторожно оставленную дверь.

Вокруг никого не было.

Только запах бумаги.

Дождь.

Бледный свет на столе.

Анна села.

Впервые за всё время не унесла вопрос домой. Положила записку рядом, взяла карандаш и долго смотрела на чистую полосу.

Дом.

Она помнила несколько домов.

Квартиру родителей, где нельзя было закрывать двери слишком громко.

Комнату, которую снимала после их смерти.

Дом, в который когда-то собиралась переехать после свадьбы и где заранее выбирала занавески, пока человек рядом постепенно учил её сомневаться в каждом собственном чувстве.

Ни одно из этих мест не ответило бы за неё.

Анна написала:

Дом — это место, где тебе не стыдно молчать.

Остановилась.

Провела пальцем по краю бумаги.

И добавила:

А для вас?

На следующий день она пришла слишком рано.

Почти сразу после работы. Не зашла домой, не сменила туфли, не поправила волосы перед зеркалом. В пальцах ещё держался холод улицы, а в кармане лежали перчатки, которые она забыла надеть.

Книга была на месте.

Ответ уже ждал.

Дом — это там, где о твоём молчании не начинают тревожиться слишком быстро. И не обижаются на него.

Анна читала медленно.

Первую строку.

Вторую.

Потом снова первую.

Слова были бережными. Но под этой бережностью слышалось что-то ещё — не просьба оставить человека в покое, а усталость от необходимости говорить раньше, чем слова становились безопасными.

Она коснулась бумаги кончиками пальцев.

По ту сторону записок был не просто добрый голос.

Был человек.

Со своими паузами.

Со своими причинами не отвечать сразу.

Со своим представлением о безопасности, которое, возможно, совсем не походило на её собственное.

Анна ещё раз провела пальцем по краю записки.

Ей стало теплее.

С того дня их переписка изменилась.

Раньше они оставляли слова в пустоте, как письма, доверенные ветру.

Теперь в них появилось ожидание.

Не тяжёлое.

Не тревожное.

Почти светлое.

Они по-прежнему не спрашивали имён. Не говорили о возрасте, работе, прошлом. Не касались ничего, что могло разрушить хрупкую форму их близости.

Но начали узнавать друг друга по мелочам.

Анна написала:

Я люблю чай, когда он уже почти остыл. Горячее всегда обжигает меня, но я почему-то каждый раз забываю подождать.

Ответ:

Я читаю последние страницы книги медленнее первых. Будто хочу дать ей немного больше времени побыть со мной.

Она призналась:

Мне трудно рядом с громкими людьми. Даже если они добрые.

Ей ответили:

Мне тоже. Шум часто не замечает боли.

Иногда записки появлялись каждый день.

Иногда между ними проходило двое или трое суток.

Анна училась не считать паузы отказом.

Не всегда получалось.

Однажды она зашла в лавку, увидела пустые страницы и провела остаток вечера, повторяя себе, что другой человек имеет право не прийти. На следующее утро нашла записку там, где обычно лежали перчатки: она сама машинально унесла её домой вместе с ними и не заметила.

Анна долго сидела у края кровати, держа бумажную полосу на ладони.

Ей было одновременно смешно и стыдно.

Записка гласила:

Иногда молчание означает только то, что человек пока не нашёл слов.

Она не знала, было ли это случайным ответом или незнакомец каким-то образом догадался, что ей нужно именно сейчас.

В лавке она написала:

А если слова не найдутся?

Ответ появился вечером следующего дня:

Тогда, наверное, стоит оставить хотя бы знак, что их всё ещё ищут.

Эту записку Анна не унесла домой.

Положила обратно в книгу.

Ей нравилось знать, что она ждёт там.

Однажды, сама удивившись собственной честности, Анна написала:

*Мне кажется, я стала ждать вечеров слишком сильно.
Это глупо?*

В этот раз ответ был совсем коротким:

Нет. Всё нежное сначала кажется глупым. И только потом — необходимым.

Слово «нежное» она носила с собой весь вечер.

Потом следующий день.

Потом ещё дольше.

Оно ничего не требовало.

Ничего не обещало.

Но рядом с ним становилось теплее, как рядом с тонкой чашкой, в которой ещё держится чай.

Через несколько дней лавка оказалась закрыта.

На двери висела табличка:

ВЕРНУСЬ ЗАВТРА

Анна остановилась перед ней.

День был серым, без дождя, но с тем особым светом, от которого всё кажется промокшим изнутри. За тёмным стеклом невозможно было разглядеть ни столик, ни книгу, ни ветки у окна.

Она постояла несколько минут.

Потом прошла до конца переулочка.

Вернулась.

Табличка не изменилась.

Ей стало не по себе.

Слишком сильно для такой маленькой случайности.

От этого она смутилась ещё больше.

Мистер Бейкер мог заболеть.

Мог поехать за книгами.

Мог просто закрыть лавку на один день, не подозревая, что кто-то выстроил вокруг её вечернего света слишком многое.

А другой человек мог прийти утром.

Или не прийти вовсе.

Анна заставила себя уйти.

Всю дорогу домой она злилась.

Не на мистера Бейкера.

Не на незнакомца.

На себя.

За то, что снова позволила ожиданию стать важным.

Дома она приготовила чай и забыла о нём. Когда вспомнила, он уже остыл именно так, как она любила.

Анна выпила половину.

Остальное вылила.

На следующий день лавка открылась.

Мистер Бейкер сидел за стойкой. Выглядел он уставшим, под глазами залегли тени. Рядом с локтем стояла чашка, к которой он почти не притронулся.

Анна хотела спросить, всё ли хорошо.

Не решилась.

Только поздоровалась тише обычного.

Он посмотрел на неё внимательнее, чем всегда, и кивнул с той особенной мягкостью, какой люди отвечают, когда замечают чужую деликатность.

Анна направилась к своему столику.

И тогда увидела его.

У дальней полки, возле окна, стоял мужчина в тёмном пальто.

Волосы у него ещё были влажными после улицы. На щеке осталась тень от прилипшей пряди. В руках он держал тонкую книгу в бумажной обложке, но смотрел не в неё, а куда-то мимо страниц.

Лицо у него было спокойное.

Немного усталое.

Анна не хотела задерживать взгляд.

И всё же заметила в его пальцах узкую полоску бумаги — такую же, какие лежали на столике для закладок.

Край был смят.

Мужчина, должно быть, слишком долго держал её в руке, прежде чем решился куда-то положить.

Сердце Анны дрогнуло.

Совсем немного.

Потом ещё раз.

Это могло ничего не значить.

В лавке многие брали бумажные полоски. Люди отмечали ими страницы, записывали цены, названия книг, адреса.

Мир не обязан был сходиться в тихие чудеса только потому, что ей вдруг очень этого захотелось.

Она отвернулась.

Подошла к столу.

Сняла перчатки.

Одну в другую.

Большой палец расправить.

Шов пригладить.

С первой попытки не получилось.

Пальцы торопились.

Анна начала снова.

Только на третий раз руки стали послушнее.

Она открыла книгу.

Внутри лежала записка.

Простите. Вчера я не смог прийти.

Анна перечитала.

Потом ещё раз.

Не «не смог ответить».

Не «не получилось написать».

Не смог прийти.

В груди стало тесно.

Она закрыла глаза.

Всего на секунду.

Как будто в знакомой мелодии внезапно прозвучала нота,

которой не хватало с самого начала.

Анна не обернулась.

Села.

Взяла карандаш.

Написала медленно, стараясь, чтобы рука не выдала её смущения:

Я почему-то волновалась.

Слово «почему-то» ей не понравилось.

Она едва не зачеркнула его.

Но оставила.

Сложила записку, положила в книгу и закрыла её.

Только тогда подняла взгляд.

Мужчина смотрел на неё.

Не смело.

Не прямо.

Скорее осторожно — так смотрят на что-то хрупкое, к чему давно хотелось приблизиться, но страшно сделать это слишком резко.

У него были светлые, усталые глаза.

И почти виноватое выражение лица.

Как у человека, который долго говорил с ней из полумрака, а теперь боялся, что на свету окажется грубее, проще и беднее, чем был между строк.

Анна боялась того же.

Не его.

Того, что голос разрушит тишину.

Что реальность окажется громче их бережности.

Что человек у окна посмотрит на неё немного дольше и поймёт: на бумаге она была лучше.

Спокойнее.

Точнее.

Достойнее ожидания.

Мужчина первым отвёл взгляд.

Подошёл к столику с закладками. Взял чистую полоску бумаги.

Несколько секунд стоял неподвижно.

Потом написал что-то.

Зачеркнул одно слово.

Словно смутился самого зачёркивания, хотя Анна видела только движение руки.

Сложил лист.

Положил рядом с книгой.

Не поднимая глаз, направился к двери.

У порога остановился.

Анна подумала, что он всё-таки обернётся.

Он только поправил воротник.

Колокольчик звякнул над ним едва слышно.

Мужчина вышел в вечерний дождь — уже почти тёплый, весенний.

Анна подождала.

Сначала слышала, как стихли его шаги.

Потом досчитала до пяти.

Только после этого взяла записку.

Развернула.

Я не знал, можно ли разрушать то, что было таким тихим. Но мне очень хотелось увидеть, как вы улыбаетесь не на бумаге.

Ниже осталось зачёркнутое начало:

если это не слишком...

Дальше он не дописал.

Анна села.

Не потому, что это было слишком много.

Потому что оказалось ровно столько, сколько она могла выдержать.

В лавке по-прежнему пахло книгами и влажным деревом. Мистер Бейкер переставлял коробки в подсобке. За окном капли держались на тонких ветвях.

Мир не изменился.

С улицы донёсся звон трамвая.

Кто-то быстро прошёл под окном, прижимая к груди свёрнутую газету.

На прилавке у мистера Бейкера лежали неоплаченные счета.

И всё же прежним мир уже не был.

Анна взяла карандаш.

Рука дрогнула.

Совсем немного.

На новой полоске бумаги она написала:

Тогда приходите завтра. Я постараюсь улыбнуться не только на бумаге.

Подумала.

Перечитала.

Слово «постараюсь» показалось ей слишком осторожным.

Но оно было честным.

Ниже, чуть мельче, она добавила:

Меня зовут Анна.

Записку Анна не стала прятать между страницами.

Оставила сверху.

Открыто.

Перчатки лежали рядом, одна в другой, но большой палец снова вывернулся наружу.

Анна заметила.

И впервые не стала его поправлять.

Она надела пальто, попрощалась с мистером Бейкером и вышла.

Дождь почти закончился.

Мостовая блестела под фонарями. Из гавани тянуло солью и холодной водой. В тёмных окнах напротив отражался свет лавки.

Анна остановилась возле витрины.

В деревянном ящике одна из почек раскрылась.

Совсем немного.

Тонкий зелёный край показался между тёмными чешуйками.

Она посмотрела на него.

Потом — на старую книгу за стеклом.

На белую полоску бумаги, лежавшую поверх вытертого переплёта.

Впервые не спрятанную.

На ней было её имя.

Глава 1. На свету

Мартин пришёл в лавку на сорок минут раньше.

За это время он успел снять пальто, снова надеть его, проверить записку Анны и решить, что пальто всё-таки лучше оставить в подсобке.

Записка лежала поверх старой книги.

Открыто.

Тогда приходите завтра. Я постараюсь улыбнуться не только на бумаге.

Меня зовут Анна.

Он прочитал её вечером.

Потом утром.

Потом ещё раз по дороге в университетскую мастерскую, остановившись под навесом возле трамвайной остановки. Бумагу пришлось придерживать обеими руками: ветер тянул её к мокрой мостовой.

Теперь записка лежала во внутреннем кармане пиджака.

Мартин знал каждое слово.

И всё равно время от времени касался кармана, проверяя, не исчезла ли она.

В лавке было прохладно.

Мистер Бейкер сидел за прилавком, склонившись над книгой счетов. Рядом остывал чай. Каждые несколько минут старик подносил чашку к губам, замечал, что она пуста, и

ставил обратно с тем же рассеянным достоинством.

Он не спросил, почему Мартин пришёл раньше.

Только взглянул на часы.

Потом на него.

— Она не станет сердиться, если вы немного подождёте,

— сказал он.

Мартин снял с полки стопку книг, хотя переставлять их не требовалось.

— Я пришёл помочь.

— Конечно.

Мистер Бейкер обмакнул перо в чернильницу.

— Именно поэтому вы уже дважды переложили одну и ту же книгу.

Мартин посмотрел на том в своих руках.

«Стихотворения Эмили Дикинсон».

Утром он сам поставил его на эту полку.

— Здесь ей лучше.

— Книге?

— Да.

— Тогда не стану вмешиваться.

Мистер Бейкер снова склонился над счетами.

Мартин вернул книгу на место.

Через несколько секунд переставил чуть левее.

Он не понимал, чего именно боится.

Анна уже видела его.

Вчера они стояли в одной комнате. Она смотрела на него,

а он смотрел на неё. Ничего непоправимого не произошло.
Но вчера между ними всё ещё оставалась бумага.
Он мог написать.
Зачеркнуть.
Начать сначала.
Мог выйти за дверь прежде, чем она прочитает, и не видеть, как изменится её лицо.
Сегодня нужно было говорить.
Слова, произнесённые вслух, нельзя было вытащить из воздуха и аккуратно переписать.
Мартин подошёл к узкому столику.
Старая книга лежала там же. Пустая полоска бумаги виднелась между страницами, как закладка в месте, до которого они ещё не дочитали.
Он выровнял карандаш по краю стола.
Потом передвинул нож для бумаги.
Потом понял, что делает, и отошёл.
— Чай, — сказал мистер Бейкер.
— Что?
— Вы могли бы приготовить чай.
Мартин посмотрел на него.
— Она писала, что любит его почти остывшим.
— Значит, самое время поставить чайник.
Мистер Бейкер говорил спокойно, но уголок его рта дрогнул.
Мартин ушёл в подсобку.

Чайник стоял на маленькой чугунной печи. Вода в нём была ещё тёплой. Мартин добавил угля, дождался, пока она зашумит, и насыпал в заварник ровно две ложки чая.

Потом третью.

Вытряхнул всё обратно.

Насыпал две.

На полке стояли чашки — разные, собранные мистером Бейкером за много лет. Белая с тонкой синей каймой. Тяжёлая коричневая. Зелёная, у которой ручка была приклеена чуть криво. Маленькая фарфоровая с выцветшими незабудками.

Мартин выбрал белую.

Поставил её на блюде.

Подумал.

Заменял на чашку с незабудками.

Она выглядела слишком нарядно.

Вернул белую.

Для себя взял коричневую.

Он налил чай заранее, чтобы тот успел остыть.

Поставил обе чашки на столик у дальней полки.

Сел.

Сразу поднялся.

Чай подрагивал от его шагов.

За окном вечер медленно собирался в переулке. Дождя не было, но камни ещё хранили вчерашнюю воду. Прохожие двигались мимо витрины тёмными отражениями.

Мартин посмотрел на часы.

До обычного времени прихода Анны оставалось двадцать семь минут.

Он взял со стола книгу.

Открыл.

Понял, что держит её вверх ногами.

Закрыл.

Мистер Бейкер ничего не сказал.

Это было почти хуже насмешки.

Через десять минут Мартин проверил чай.

Он был тёплым.

Ещё через пять — почти таким, как она описывала.

Мартин почувствовал некоторое облегчение.

По крайней мере, одна вещь могла получиться правильно.

Колокольчик над дверью звякнул.

Он поднялся слишком быстро и задел коленом стол.

Чашки дрогнули.

Немного чая пролилось на блюдце.

Но вошла не Анна.

Пожилая женщина в тёмной шляпе попросила показать ей недорогую поваренную книгу. Мистер Бейкер медленно выбрался из-за прилавка и повёл её к нужной полке.

Мартин вытер блюдце краем носового платка.

Чай остыл ещё сильнее.

На поверхности появилась тонкая плёнка.

Он посмотрел на неё и подумал, что чашка выглядит так,

будто простояла здесь несколько часов.

Будто о ней забыли.

Он отнёс чай в подсобку и вылил.

Приготовил новый.

Колокольчик звякнул снова, когда он возвращался с подносом.

Анна остановилась у порога.

На ней было тёмно-синее пальто и серый шарф. Волосы возле висков чуть потемнели от сырого воздуха, хотя дождя не было. Одна рука ещё держала дверную ручку, словно она не до конца решила, войти или уйти.

Мартин застыл с подносом в руках.

Она посмотрела сначала на него.

Потом на чашки.

Потом снова на него.

Улыбнулась.

Слишком быстро.

Он узнал это движение. Так улыбаются не потому, что стало весело, а потому, что тишина уже длится на секунду дольше, чем можно выдержать.

— Добрый вечер, — сказала Анна.

— Добрый.

Он хотел добавить её имя.

Не смог.

Ему казалось, что произнести его вслух — почти то же самое, что коснуться без разрешения.

Анна закрыла дверь.

Колокольчик дрогнул ещё раз и замолчал.

Мистер Бейкер проводил покупательницу к прилавку, завернул её книгу в коричневую бумагу и принял несколько монет. Женщина долго убирала сдачу в кошелёк. Мартин ждал, держа поднос.

Анна сняла перчатки.

Сначала правую.

Потом левую.

Сложила одну в другую.

Большой палец правой перчатки вывернулся наружу. Она посмотрела на него, но не поправила.

Мартин вспомнил вчерашнюю записку поверх книги.

Её имя.

Собственную трусость у двери.

Он поставил поднос на стол.

— Я приготовил чай.

Это были не те слова, которые он собирался сказать.

Он хотел сказать, что рад её видеть.

Что всю ночь боялся, будто она передумает.

Что записка с именем показалась ему чем-то доверенным на хранение.

Вместо этого сказал про чай.

— Спасибо.

Анна подошла ближе.

Он отодвинул для неё стул. Ножка зацепилась за щель

между половицами и издала неприятный скрежет.

Анна снова улыбнулась.

На этот раз мягче.

— Вы всегда так тщательно готовитесь к чаю?

— Нет.

Он подумал и добавил:

— Не всегда получается так тщательно.

Она села.

Мартин занял место напротив.

Между ними стояли две чашки, сахарница и пустая книга, которую он машинально принёс со стола. Не та, где они писали друг другу. Какая-то другая, с выцветшим золотым тиснением.

Анна провела пальцем по краю блюда.

— Вы знали, во сколько я приду?

— Нет.

— Тогда чай мог остыть.

— Я приготовил другой.

Он понял, что ответил слишком прямо.

Анна подняла глаза.

— Другой?

— Первый остыл.

— Но я люблю остывший.

— Я помню.

Теперь это прозвучало ещё хуже.

Он приготовил чай заранее, чтобы сделать так, как ей нра-

вится. Потом вылил его, потому что испугался, что забота будет выглядеть небрежностью.

Объяснить это вслух было невозможно.

Анна взяла чашку.

— Этот тоже остынет.

— Да.

Она сделала глоток.

Совсем маленький.

Её пальцы чуть сильнее сжали ручку. На нижней губе появился блеск, и она быстро прижала к ней язык.

Обожглась.

Мартин увидел.

Она поняла, что он увидел.

Несколько секунд они молчали.

— Слишком горячий, — сказал он.

— Немного.

— Я могу принести воды.

— Не нужно.

Анна поставила чашку.

Очень аккуратно.

Так аккуратно, что он сразу подумал о перчатках и шве, который она разглаживала перед тем, как открыть книгу.

— Простите, — сказал он.

— За чай?

— Да.

— Вы не обязаны извиняться за температуру воды.

Её голос был спокойным.

Но Мартин услышал в нём разочарование.

Возможно, его там не было.

Возможно, она просто старалась говорить легко.

Однако мысль уже возникла: на бумаге он помнил её лучше.

На бумаге знал, когда остановиться.

Вчера она ждала человека, который мог написать о чужой весне так, будто понимал её.

Сегодня перед ней сидел мужчина, неспособный правильно приготовить чай.

— Мартин, — сказал он.

Анна нахмурилась.

— Простите?

— Меня зовут Мартин Рид.

— Я думала, вы говорите о ком-то другом.

— Нет.

— Тогда приятно познакомиться, мистер Рид.

В её глазах появилось что-то похожее на улыбку.

Мартин кивнул.

— И мне, мисс...

Он остановился.

Она дала ему только имя.

Потребовать фамилию сейчас казалось неправильным. Слишком похоже на просьбу предъявить документы после того, как человек уже решился войти.

— Меррилл, — сказала она. — Анна Меррилл.

— Мисс Меррилл.

Фамилия сразу создала между ними расстояние.

Мартин услышал это, но не знал, как вернуть прежнюю близость.

— Можно просто Анна, — сказала она.

— Тогда Мартин.

— Хорошо.

Теперь они знали имена.

Тишина от этого не стала меньше.

Мистер Бейкер прошёл мимо них с коробкой книг. Мартин видел, как старик намеренно выбрал долгий путь через соседний ряд, чтобы не подходить близко.

Анна снова взяла чашку.

На этот раз только согрела пальцы о фарфор.

— Я представляла вас иначе, — сказала она.

Слова вошли в него быстро и точно.

Он опустил взгляд.

— Понимаю.

— Нет, я не...

Она замолчала.

На бумаге могла бы зачеркнуть.

Здесь слово уже осталось между ними.

Мартин ждал.

Анна смотрела в чашку.

— Я не представляла лицо, — сказала она наконец. —

Скорее... возраст. Иногда мне казалось, что вы гораздо старше.

— Из-за почерка?

— Из-за ответов.

— Они были старомодными?

— Спокойными.

Он не знал, что сказать.

Спокойствие было тем, что он старательно оставлял на бумаге после нескольких испорченных черновиков. Она не видела продавленных карандашом слов. Не знала, сколько раз он писал слишком резко и выбрасывал лист.

— А я думал, вы старше, — признался он.

Анна посмотрела на него с удивлением.

— Почему?

— Вы писали о собственной весне так, будто уже прожили несколько чужих.

Она слегка нахмурилась.

Мартин почувствовал, что снова сказал не то.

— Это прозвучало...

— Печально?

— Самонадеянно.

— Немного.

Он кивнул.

— Простите.

— Вы часто извиняетесь.

— Сегодня — да.

— А обычно?

— Обычно стараюсь меньше говорить.

Анна опустила глаза.

Вот оно.

Её ответ о доме.

Место, где не стыдно молчать.

Его ответ.

Место, где молчание не заставляют немедленно объяснять.

На бумаге эти две фразы лежали рядом и казались почти согласными.

Вживую между ними уже возникла пауза, которую каждый понимал по-своему.

Мартин потянулся к своей чашке.

Чай оказался слишком горячим и для него.

Он обжёг язык, но не подал вида.

Анна заметила.

Её губы дрогнули.

— Вам тоже?

Он поставил чашку.

— Немного.

Она засмеялась.

Тихо.

Почти так, как он представлял вчера, стоя возле полки. Только настоящий смех оказался короче и теплее. В нём не было ничего чудесного.

Именно поэтому он на секунду перестал бояться.

— Значит, дело не во мне, — сказала она.

— В чайнике.

— Он выглядит виноватым.

Мартин посмотрел в сторону подсобки.

— Я поговорю с ним после закрытия.

Анна улыбнулась снова.

На этот раз не слишком рано.

Потом они оба замолчали.

Но эта пауза уже не резала так сильно.

За окном прошёл трамвай. Стёкла в витрине задрожали. С верхней полки упала тонкая пылинка и медленно опустилась между ними.

Анна коснулась корешка книги на столе.

— Это та самая?

— Нет.

— Я уже испугалась, что вы решили её заменить.

— Я не стал бы.

— Почему?

Мартин посмотрел на старую книгу без обложки. Она лежала в нескольких шагах от них, на прежнем месте.

— Некоторые вещи трудно перенести в другое место так, чтобы они остались теми же.

Сказав это, он сразу понял, что говорит не только о книге.

Анна тоже поняла.

Её пальцы замерли на корешке.

— А людей можно?

— Не знаю.

Слова вышли слишком быстро.

Он мог бы сказать что-нибудь обнадеживающее. Что люди важнее мест. Что настоящая близость выдерживает свет, голос и присутствие.

Но он не знал этого.

И не хотел впервые лгать ей именно сейчас.

Анна кивнула.

— Я тоже.

Она посмотрела в сторону окна.

Мартину показалось, что разговор закончился.

Что через несколько минут она наденет перчатки, поблагодарит за чай и больше не оставит ни одной записки.

Он должен был что-то сделать.

Сказать, что рад её видеть.

Это была простая фраза.

Он повторил её про себя.

Я рад, что вы пришли.

Потом ещё раз.

Я рад, что ты пришла.

Вторая версия была слишком близкой.

Первая — слишком официальной.

Пока он выбирал, Анна заговорила сама:

— Вы действительно читаете последние страницы медленнее?

— Да.

— Всегда?

— Если книга хорошая.

— А если плохая?

— Тогда иногда начинаю читать быстрее уже с середины.

Она повернулась к нему.

— Вы не бросаете?

— Редко.

— Почему?

Мартин подумал.

— Не люблю оставлять что-то незаконченным.

Слова повисли между ними.

Он слышал их второй смысл слишком поздно.

Анна опустила взгляд.

— Даже если продолжать трудно?

— Иногда особенно тогда.

Это тоже прозвучало не так, как он хотел.

Слишком похоже на обещание.

Он не знал, способен ли его выполнить.

— Я не говорю о нас, — добавил он.

Анна подняла брови.

— Я тоже не говорила.

Мартин почувствовал, как горят уши.

Она снова улыбнулась.

Теперь в её улыбке было немного осторожного озорства.

Того, чего в письмах почти не встречалось.

— На бумаге вы успевали подумать, прежде чем отвечать,

— сказала она.

— Да.

— Мне это нравилось.

— Мне тоже.

— Но сейчас вы честнее.

Мартин посмотрел на неё.

— Сейчас я чаще ошибаюсь.

— Возможно, это одно и то же.

Он хотел спросить, разочарована ли она.

Вместо этого провёл пальцем по краю блюдца.

Там осталась капля чая. Она медленно стекала к белой кайме.

— Вы жалеете, что оставили имя? — спросил он.

Анна не ответила сразу.

Мартин почувствовал, как всё внутри сжимается вокруг этой паузы.

— Пока нет, — сказала она.

Пока.

Слово могло означать угрозу.

Могло — честность.

Он выбрал второе не потому, что был уверен, а потому, что хотел досидеть до конца встречи.

— А вы? — спросила Анна.

— Я своего не оставлял.

— Вы пришли сами.

Это было правдой.

Мартин вспомнил вчерашний переулок. Как стоял под дождём за углом и почти решил не возвращаться. Как потом всё-таки вошёл, но не смог произнести ни слова.

— Это было труднее, — сказал он.

— Чем написать?

— Намного.

Анна посмотрела на него.

Не улыбнулась.

Не отвела глаз.

Осталась.

Мартин выдохнул.

— Я рад, что вы пришли.

Фраза наконец прозвучала.

Не идеально.

Голос чуть сел на последнем слове.

Но Анна не улыбнулась из вежливости. Сначала её лицо осталось серьёзным, словно она проверяла, можно ли поверить.

Потом сказала:

— Я тоже рада, что пришла.

За прилавком мистер Бейкер громко закрыл книгу счетов.

— Боюсь, мне придётся выставить вас на улицу, — объявил он. — Если я сегодня снова опоздаю к ужину, сестра решит, что лавка всё-таки съела меня.

Анна посмотрела на часы.

— Я не заметила, что так поздно.

Мартин тоже не заметил.

Он встал.

Стул снова зацепился за половицу, но теперь это не показалось катастрофой.

Анна надела перчатки.

Большой палец правой вошёл не сразу. Она поправила его одним коротким движением.

Мартин помог ей надеть пальто. Его пальцы едва коснулись ткани у плеча. Анна замерла на долю секунды.

Он сразу убрал руки.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Они подошли к двери.

Мартин хотел предложить проводить её.

Представил, как они идут рядом по узкому тротуару и не знают, чем заполнить весь путь до её дома.

Потом представил, как она ждёт этого предложения, а он снова молчит.

— Уже темно, — сказал он.

Анна посмотрела в окно.

— Да.

— Я мог бы...

Слова застряли.

Она ждала.

Мартин видел это.

— Дойти с вами до трамвая.

— Я хожу пешком.

Он почувствовал облегчение и тут же устыдился его.

— Тогда до конца переулка.

Анна подумала.

— Не сегодня.

Он кивнул слишком быстро.

— Конечно.

— Не потому, что...

Она остановилась.

Потом чуть сильнее натянула перчатку.

— Сегодня уже было достаточно нового.

— Понимаю.

На этот раз он действительно понимал.

Анна открыла дверь.

Колокольчик звякнул над ней.

— Доброй ночи, Мартин.

Его имя в её голосе прозвучало иначе, чем он ожидал.

Не как подпись.

Как обращение.

— Доброй ночи, Анна.

Она вышла.

Он стоял у двери, пока её шаги не стихли в переулке.

Потом помог мистеру Бейкеру убрать чашки.

На блюде Анны осталась почти половина чая.

— Всё прошло не так плохо, — сказал старик.

Мартин отнёс чашки в подсобку.

— Она обожглась.

— Люди иногда обжигаются чаем.

— Я знал, что она любит остывший.

— Тогда в следующий раз дайте ему остыть.

Мартин вылил чай в раковину.

— Вы уверены, что будет следующий раз?

Мистер Бейкер посмотрел на него поверх очков.

— Нет.

Ответ был спокойным.

Мартин был благодарен ему за отсутствие утешения.

Они закрыли кассу, погасили лампы у прилавка и проверили окна. В глубине лавки оставался только небольшой свет над столиком с поэзией.

Мартин подошёл к старой книге.

Хотел убрать её на место.

Между страницами лежала записка.

Он сразу узнал почерк Анны.

Сердце ударило сильнее.

Мартин развернул бумагу.

На бумаге было легче.

Всего четыре слова.

Он прочитал их несколько раз.

Не «лучше».

Легче.

Разница была маленькой.

Достаточной, чтобы остаться.

Мартин сел за стол.

Взял карандаш.

Первый ответ получился слишком длинным.

Я понимаю. Я тоже не смог сказать почти ничего из того, что собирался, и чай был слишком горячим, хотя я помнил...

Он зачеркнул.

Взял новую полоску.

Простите, что всё получилось не так.

Тоже зачеркнул.

Это снова превращало встречу в ошибку, за которую следовало просить прощения.

Мартин некоторое время смотрел на пустую бумагу.

Потом написал:

Мне тоже. Но я всё-таки пришёл.

Он не стал добавлять ничего.

Сложил записку вдвое и положил между страницами.

Уже закрывая книгу, передумал.

Оставил её сверху.

Открыто.

Как вчера оставила Анна.

Мистер Бейкер ждал у двери с ключами.

— Теперь можно идти?

— Да.

Мартин погасил последнюю лампу.

За стеклом старая книга почти исчезла в темноте. Белая полоска ещё немного удерживала свет, падавший с улицы.

На следующий вечер Мартин снова пришёл раньше.

На этот раз не готовил чай.

Он стоял возле прилавка и разбирал принесённую из университета стопку книг, когда над дверью звякнул колокольчик.

Анна вошла в лавку.

Сняла перчатки.

На секунду посмотрела в сторону старого столика.

Потом повернулась к Мартину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.